УДК 930.25(093)+929+(489)

«…Предвзятый подход к научной проблеме едва ли может способствовать ее серьезному изучению»

Переписка А.А. Амальрика с датским профессором А.Стендер-Петерсеном (1961 г.)

Ключевые слова: личный фонд, переписка, письма, норманнская теория, российско-датские научные связи, Датская королевская библиотека в Орхусе, А.А.Амальрик, А.Стендер-Петерсен.

В истории международных научных связей все больше внимания привлекают контакты не столько официальных институций, сколько тех, кто непосредственно занимается исследовательской работой. Однако документов, отражающих общение ученых, не так много по сравнению с управленческой документацией, и встречаются они преимущественно в их личных архивах. Между тем автор настоящей публикации в ходе работы в Датской королевской библиотеке в Орхусе с материалами личного фонда крупнейшего слависта профессора А.СтендерПетерсена (1893–1963) обратил внимание на присутствие среди русских корреспондентов ученого[1] имени молодого советского историка, впоследствии диссидента А.А. Амальрика (1938–1980). Обстоятельства их общения, раскрывающиеся в нескольких письмах 1961 г., связаны с подготовкой Амальриком исследования о роли норманнов в истории Древнерусского государства, которое шло вразрез с официальным антинорманизмом советской историографии.

Заметим, что труды А.Стендер-Петерсена, в первую очередь книга «Варангика», повествующая о различных сторонах русскоскандинавских отношений в раннем Средневековье, впервые увидевшая свет еще в 1953 г.[2], но лишь теперь опубликованная на русском языке[3], были хорошо известны советским ученым, как и сам датчанин. Первый раз он посетил СССР осенью 1946 г. В том же году Стендер-Петерсен опубликовал книгу о советской внешней политике[4], за которую на него обрушилось множество обвинений в просоветских настроениях. Однако ни коммунистом, ни сочувствующим им ученый в реальности не был. В мае 1956 г. профессор приезжал в - Москву на организационное совещание Международного комитета славистов[5]. В начале сентября 1958 г. как руководитель датской делегации он снова посетил советскую столицу для участия в IV Международном съезде славистов и сделал доклад о «Сборнике Кирши Данилова» – уникальном памятнике русской народной поэзии, созданном в XVIII в. на Урале[6]. Заметим попутно, что этому приезду не помешало выступление Стендер-Петерсена осенью 1956 г. с протестом против подавления СССР Венгерского восстания.

С Россией Стендер-Петерсена связывали не только научные интересы. Местом его рождения был Санкт-Петербург, где жили его отец – бухгалтер Йоханнес Петер Стендер--Петерсен (1863–1936), датчанин из Северного Шлезвига, и мать – Генриетта--Вильгельмина-МартаОльга Якоб (1872–1944), прибалтийская немка. Среднее образование он получил в «Петришуле» – одной из лучших столичных школ того времени, увлекался историей и русской литературой, в 1912 г. поступил на историко-филологический факультет СанктПетербургского университета. Среди его преподавателей были виднейшие историки и филологи: И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.Ф. Платонов, М.И. Ростовцев и др. В 1915 г. семья Стендер-Петерсен переехала в Данию. В Копенгагенском университете А.Стендер-Петерсен учился у известного лингвиста Х.Педерсена и выбрал специализацией славянскую филологию. Параллельно с учебой, в 1916–1918 гг., он подрабатывал в Королевской библиотеке в Копенгагене, где составлял каталог славянских

рукописей[7]. В Дании для него не оказалось преподавательской вакансии, и тогда в 1918 г. он поступил на работу в шведский Гетеборгский университет преподавателем славянских языков[8], в 1923 г. защитил докторскую диссертацию о творчестве Ф.Богомолеца, польского просветителя и одного из основоположников национального театра. В шведский период Стендер-Петерсен увлекся изучением немецких заимствований в славянских языках, интересовался историей славянского театра, особенно русского и польского. Он был полиглотом, владел как современными, так и древними языками, русский язык наряду с немецким и датским считал родным.

В 1927 г. Стендер-Петерсен переехал из Швеции в Эстонию, где получил профессуру в Тартуском университете, в 1931 г. вернулся в Данию и поступил на работу в недавно созданный и динамично развивавшийся Орхусский университет, прошел там путь от приглашенного лектора до профессора, которым был избран в 1941 г. В этот период ученый сосредоточился на вопросах истории русской литературы, опубликовал ряд исследований о Ф.М. Достоевском, А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом и И.С. Тургеневе, делал попытки синтеза литературного процесса в России[9]. Параллельно он занимался изучением славянско-скандинавских контактов в раннем Средневековье, подготовил о них специальное исследование, в основе которого лежало сравнительное изучение скандинавских саг и древнерусских летописей[10].

В 1945–1947 гг. Стендер-Петерсен занимал пост ректора Орхусского университета. В 1949–1950 гг. как приглашенный профессор он читал лекции в США в Колумбийском университете, затем вернулся в Данию и проработал до конца жизни в Орхусском университете.

В своих научных построениях о славяно-скандинавских отношениях Стендер-Петерсен выступал как последовательный норманист. Однако его норманизм не был политической программой. Ученый сетовал, что в советской историографии вопрос о роли скандинавов в образовании и развитии Древнерусского государства сделался не научным, а исключительно политическим. В своих работах он пытался вести дискуссию как с советскими авторами, так и с рядом ученых-эмигрантов, в первую очередь с Г.В. Вернадским, который после Второй мировой войны начал публиковать свою многотомную «Историю России». Исторические взгляды Стендер-Петерсена на норманнский вопрос – тема для отдельного исследования. Отметим лишь, что сам историк резко протестовал против уравнивания его взглядов с норманистами XVIII–XIX вв., считая построения предшественников архаичными и не выдерживающими критики. В своих работах он стремился найти новые пути решения норманнского вопроса. М.Н. Тихомирову Стендер-Петерсен писал 1 сентября 1961 г.: «Я даже льщу себе надеждой, что, если русская наука примет плоды моих изысканий всерьез, возникнет возможность синтеза противоположностей. А мне давно кажется, что мы непременно должны подойти к такому синтезу, освобождаясь с обеих

Участники организационного совещания международного комитета славистов В.Георгиев и А.Стендер-Петерсен (справа). Москва 1956 г.

(URL: https://slavicorumhistoria.com/our-projects/)

сторон от национальных предвзятостей. В этом я, варяг по происхождению и вместе с тем ученик старого Петербургского университета, вижу, так сказать, мою личную миссию»[11].

Советская историография яро спорила с норманистскими взглядами Стендер--Петерсена, а он с азартом и задором отвечал. Однако научные противоречия никогда не переносились им на личные отношения. Достаточно сказать, что резкие критические высказывания Стендер-Петерсена в адрес некоторых взглядов М.Н. Тихомирова не мешали их конструктивной переписке. Датский профессор вообще любил научную полемику, видя в ней единственно возможный путь поиска истины. В письме к Ю.Г. Оксману от 28 февраля 1963 г. он просил коллегу высказать критическое мнение о своей «Истории русской литературы»[12]: «Пожалуйста, не стесняйтесь, а режьте правду--матку. Я наперед уверен, что Ваша критика будет лояльной и деловой»[13].

Стендер-Петерсен скоропостижно скончался в результате сердечного приступа 16 апреля 1963 г., не успев доработать в Орхусском университете весенний семестр, после которого намеревался выйти на пенсию. Вдова ученого, писатель и журналист Эбба Торстенсон (Ebba Torstenson; 1924 г.р.), 9 апреля 1970 г. передала его архив на хранение в Государственную библиотеку в Орхусе. Ныне это Датская королевская библиотека (Det Kongelige Bibliotek), образованная в результате слияния в 2017 г. Государственной библиотеки в Орхусе и Королевской библиотеки в Копенгагене. Личный фонд профессора Стендер-Петерсена насчитывает 1034 ед. хр. Материалы разложены по тематическим папками, например: «Различная переписка о датско-российском сотрудничестве. 1945–1949 гг.», «Дневник о конгрессе в Москве. 1958 г.» и др.[14] Его детальное обозрение – отдельная задача. Заметим лишь, что большинство документов связано с профессиональной деятельностью Стендер-Петерсена в университетах Дании, Эстонии и Швеции. Особый интерес представляют автобиографические материалы, в частности дневники о его ученых путешествиях, включая поездки в СССР. Следы переписки же с коллегами, в том числе русскими и советскими, фрагментарны. Тем более примечательны сохранившиеся два письма А.А. Амальрика и одно ответное Стендер-Петерсена.

Андрей Алексеевич Амальрик – сын археолога, популяризатора науки А.С. Амальрика, потому и интерес к истории имел явно семейные корни. В 1959 г. Андрей поступил на исторический факультет МГУ. Уже на первом курсе он живо увлекся историей происхождения Древнерусского государства и славянско-скандинавскими контактами. Профессор А.А. Зимин вспоминал о нем: «Однажды явился ко мне с рефератом о норманизме, в котором громил Рыбакова[15]. Я ему сказал, что, конечно, может он и прав, но нужно учиться, и “гусарским наездом” истину не доказывают. Но, очевидно, систематическая учеба была ему не по нутру. Дальнейшая его жизнь – страница жизни нашей страны, а к истории нашей феодальной науки она уже отношения не имеет»[16]. В итоге за свою курсовую работу о норманнском вопросе Амальрик был исключен из университета, впоследствии перебивался разными работами, активно участвовал в диссидентском движении, за что неоднократно подвергался арестам. В 1969 г. Амальрик опубликовал в Амстердаме нашумевшее эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?», в июле 1976 г. эмигрировал. За рубежом он продолжал бурную общественную деятельность, писал книги, выступал с лекциями. 12 ноября 1980 г. А.А. Амальрик погиб в Испании в автокатастрофе.

Не ставя целью обсуждать и тем более давать оценку общественным взглядам Амальрика, поскольку это удел специальных исследований[17], заметим лишь, что политик победил в нем историка. Однако нельзя не согласиться с О.Л. Губаревым (он в 2018 г. опубликовал книгу Амальрика, сопроводив ее предисловием, послесловием и комментариями) в том, что в лице молодого ученого, ставшего диссидентом, «российская историческая наука потеряла будущего талантливого историка-медиевиста»[18].

Что касается истории контактов студента и маститого профессора, то в 1961 г., как писал сам Амальрик, он намеревался послать свою работу «Норманны и Киевская Русь» Стендер-Петерсену[19]. Он считал, что использовать почту бессмысленно, а потому решил

передать свою рукопись через посольство Дании в Москве. Обращение к помощи дипломатов казалось оптимальным, ибо через датское посольство Амальрик и получил ранее адрес Стендер-Петерсена[20]. Письмо с просьбой о посредничестве молодой историк с большим трудом и после долгих препирательств с посольской охраной все же сумел бросить в щель для почты в двери. За это его сразу же забрали в отделение милиции, где пришлось разъяснять мотивы своих действий. Тогда Амальрика отпустили. Посольство вскоре согласилось выступить посредником, а его сотрудник приехал к Амальрику за рукописью научного труда и письмом к Стендер-Петерсену. Однако дальнейшие события развивались в духе трагифарса. Посольство, вероятно, опасаясь провокации, переслало рукопись не в Орхус, а в МИД СССР, откуда она попала в КГБ. Амальрик впоследствии вспоминал: «Так что вместо датского профессора мне пришлось объясняться с советским следователем. Через неделю посольство передало в МИД и мое письмо профессору, о котором я при первом разговоре в КГБ умолчал. Так что мне пришлось довольно туго. До сих пор я не знаю, почему посольство, взявшись сначала переслать рукопись, стало действовать таким странным образом и выдало меня КГБ, вместо того чтобы просто вернуть мне рукопись назад, если она его почему-либо не устраивала. КГБ переслал рукопись на рецензию; убедившись, что ничего антисоветского там нет, а есть лишь разбор славяно-скандинавских отношений в IX в., через несколько месяцев рукопись мне вернули, порекомендовав не делать больше попыток переслать ее за границу»[21].

Несмотря на исключение из научной среды после изгнания из университета, Амальрик все же надеялся на публикацию исследования о норманнах и Древней Руси. К началу 1968 г. он подготовил свой труд к печати, поблагодарив в предисловии историков, которые читали его рукопись и сделали ряд замечаний (А.В. Арциховский, А.А. Зимин, В.Д. Королюк, А.Л. Монгайт, Б.А. Рыбаков, А.М. Сахаров, В.М. Турок). Там же он указал, что «по независящим обстоятельствам» не смог познакомить с работой А.И. Стендер--Петерсена, однако оказанное датским профессором внимание стало для него большой моральной поддержкой, равно как и помогли присланные из Дании исследования[22]. Примем во внимание, что в своей работе Амальрик нередко полемизировал со Стендер--Петерсеном, например не соглашался с его представлениями об исключительно мирном характере норманнской колонизации на Руси[23]. Конечно, у работы Амальрика не было в тот момент никаких шансов на публикацию в СССР. Она явно шла вразрез с воинствующим антинорманизмом советской историографии, да еще ее автор с официальной точки зрения считался политически неблагонадежным. Зато о работе Амальрика вспомнили при его аресте в 1970 г., когда КГБ обратился за рецензией на нее к свердловскому историку Б.А. Сутырину, вопросами древнерусской истории никогда не занимавшемуся[24]. Тот охарактеризовал взгляды Амальрика как антинаучные, попенял ему за обращение к Стендер-Петерсену, при этом заметив, что датский профессор был вынужден отказаться от многих своих идей под воздействием марксистско-ленинской исторической науки (что, мягко говоря, было далеко от реальности). Но, главное, Амальрика обвинили в том, что он «пытается протащить представление о неполноценности русского народа, о его неспособности самостоятельно создать свое государство и свою культуру»[25].

А.А. Амальрик на пресс-конференции в Голланции. 15 июля 1976 г. (Nationaal Archief, Den Haag, CC0)

Подобные выпады окончательно разбивали и без того безнадежные мечты о публикации исследования.

Работа Амальрика на долгие годы оказалась забыта. Лишь в 2014 г. ее перепечатанный на машинке экземпляр обнаружили в Библиотеке Университета Виргинии в США. Тогда же было сделано предположение, что Амальрик после безуспешных попыток напечатать свой труд в СССР каким-то образом переправил его в США[26]. Ныне его труд опубликован О.Л. Губаревым и доступен для исследователей.

На материалы переписки Стендер-Петерсена и Амальрика обратил внимание при разборе архива датского слависта главный библиотекарь Государственной библиотеки в Орхусе Карл Вильгельм Томсен (Karl Vilhelm Thomsen; 1923–1988). Сохранилась его недатированная записка с характеристикой писем и кратким пересказом их содержания[27]. Томсен просмотрел путевые заметки Стендер-Петерсена о поездке в Москву в 1962 г., но не обнаружил в них никаких следов о встрече с Амальриком. Сегодня можно с уверенностью сказать, что такой встречи не было. Вероятно также, что эпистолярное общение Амальрика со Стендер-Петерсеном ограничилось лишь указанными письмами. Потому нельзя согласиться с мнением польской исследовательницы К.Дуды, будто у них была оживленная переписка[28].

Публикуемые письма важны для изучения биографий и Стендер-Петерсена, и Амальрика. Молодой советский историк делился в них со старшим коллегой, да еще с иностранцем, творческими планами, обрисовывал свои научные и художественно--эстетические взгляды (интерес к творчеству Ф.Кафки). Стендер-Петерсен с большим воодушевлением воспринимал попытки новых подходов к норманнскому вопросу, подчеркивал, что тот должен освободиться от идеологических оков. Вместе с тем рассказывал он о себе, вспомнив о дореволюционной российской юности. Оттого публикуемые письма важны и для изучения российско-/советско-датских научных связей, вопросов историографии Древней Руси, а также для понимания соотношения норманнской и антинорманнской теорий с точки зрения современного исторического знания.

Оба письма Амальрика, а равно и ответ Стендер-Петерсена напечатаны на машинке на листах формата А4, на всех имеются следы от дырокола с левой стороны.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **М.В. КОВАЛЕВА**.

[1] О контактах А.Стендер-Петерсена с российскими историками свидетельствуют главным образом документы личных фондов последних, например, С.В. Бахрушина (АРАН. Ф. 624), М.Н. Тихомирова (Там же. Ф. 693), П.Н. Беркова (СПбФ АРАН. Ф. 1047), Ю.Г. Оксмана (РГАЛИ. Ф. 2567), и др.

[2] *Stender-Petersen A.* Varangica. Aarhus, 1953.

[3] *Стендер-Петерсен А.* Варангика: историко-филологические исследования. М., 2021.

[4] *Stender-Petersen A.* Grundlinjerne i sovjetunionens udenrigspolitik 1917–1941. København, 1946.

[5] *Стыкалин А.С.* К вопросу о приглашении Р.Якобсона посетить СССР в 1956 г. // Славяноведение. 2005. № 4. С. 110–115.

[6] *Стендер-Петерсен А.И.* Проблематика Сборника Кирши Данилова. Несколько соображений // Scando-Slavica. 1958. Vol. IV. S. 70–93.

[7] *Стендер-Петерсен А.И.* К истории скандинавской славистики. Эскиз // Scando--Slavica. 1960. Vol. VI. S. 6.

[8] *Lettenbauer W.* Adolf Stender-Petersen // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1965. Vol. 32. № 1. S. 1.

[9] *Stender-Petersen A.* Russiske Silhouetter. Fra Puškin til Tolstoj. København, 1932.

[10] *Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.

[11] АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 574. Л. 1–1 об.

[12] Имеется в виду трехтомник, выпущенный в 1952 г. на датском языке, в 1957 г. переведенный на немецкий, но в двух томах. (См.: *Stender-Petersen A.* Den russiske litteraturs historie. København, 1952. T. 1–3; *Stender-Petersen A.* Geschichte der russischen Literatur. München, 1957. Bd. 1–2.)

[13] РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 893. Л. 1.

[14] Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender--Petersen. Håndskrift № 1276. 1–1034.

[15] Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – историк, археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси. Д-р ист. наук (1942 г.), профессор (1943 г.), академик АН СССР (1958 г.); иностранный член Чехословацкой (1960 г.), Польской (1970 г.) и Болгарской (1978 г.) академий наук. Сторонник антинорманизма.

[16] *Зимин А.А.* Храм науки. (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 234.

[17] *Keep J.* Andrei Amalrik and «1984» // The Russian Review. 1971. Vol. 30. № 4. P. 335–345; *Duda K.* Andriej Amalrik: rosyjski dysydent. Kraków, 2010; *Bacon E.* Writing Russia's Future: Paradigms, Drivers, and Scenarios // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. № 7. P. 1165–1189; *Кушнерева К.В.* А.Амальрик о судьбах Советского Союза: формирование исторической футурологии // Гуманитарный акцент. 2020. № 4. С. 79–82; *Она же.* А.А. Амальрик о социальной стратификации в СССР // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность. Будапешт; Киров, 2020. С. 96–101; и др.

[18] *Губарев О.Л.* А.А. Амальрик – историк, не допущенный в науку // Амальрик А.А. Норманны и Киевская Русь. М., 2018. С. 187.

[19] *Амальрик А.А.* Нежеланное путешествие в Сибирь. Нью-Йорк, 1970. С. 62.

[20] Остается невыясненным, как Амальрик вышел на датское посольство, с кем именно там контактировал и как получил адрес профессора Стендер-Петерсена.

[21] *Амальрик А.А.* Нежеланное путешествие в Сибирь. С. 62–63.

[22] *Амальрик А.А.* Норманны и Киевская Русь / науч. публ., предисл. и коммент. О.Л. Губарева. М., 2018. С. 14.

[23] Там же. С. 25, 27, 68, 96.

[24] *Амальрик А.А.* Записки диссидента. Ann Arbor, 1982. С. 142–143.

[25] Рецензия Б.А. Сутырина на статью А.Амальрика «Норманны и Киевская Русь» // Амальрик А.А. Норманны и Киевская Русь. С. 217.

[26] *Губарев О.Л.* Как я достал труд А.А. Амальрика «Норманны и Киевская Русь» // Амальрик А.А. Норманны и Киевская Русь. С. 11.

[27] Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender--Petersen. Håndskrift № 1276. 490.

[28] *Duda K.* Op. cit. S. 10.

Список литературы

1. *Губарев О.Л.* А.А. Амальрик – историк, не допущенный в науку // Амальрик А.А. Норманны и Киевская Русь. М., 2018. С. 111–187.

2. *Губарев О.Л.* Как я достал труд А.А. Амальрика «Норманны и Киевская Русь» // Амальрик А.А. Норманны и Киевская Русь. М., 2018. С. 7–12.

3. *Стендер-Петерсен А.И.* К истории скандинавской славистики. Эскиз // Scando--Slavica. 1960. Vol. VI. S. 5–18.

4. *Стыкалин А.С.* К вопросу о приглашении Р.Якобсона посетить СССР в 1956 г. // Славяноведение. 2005. № 4. С. 110–115.

5. *Duda K.* Andriej Amalrik: rosyjski dysydent. Kraków, 2010.

6. *Lettenbauer W.* Adolf Stender-Petersen // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1965. Vol. 32. № 1. S. 1–16.

№ 1
А.А. Амальрик – А.Стендер-Петерсену

Москва *24 марта 1961 г.*

Глубокоуважаемый сэр!

В конце 1959 г. меня как студента-историка крайне заинтересовал вопрос для нашей историографии очень не новый, но отнюдь не решенный. Я имею в виду скандинавско--восточнославянские отношения в IX–X вв. Конечно, не в IX в. эти отношения начались и не в X [в.] кончились, но я выбрал для своей работы именно этот период как время

образования Киевской Руси. Какова была роль норманнов в образовании Киевской Руси – приблизительно так можно сформулировать основную задачу моей работы.

Нечего и говорить, что я отнюдь не претендовал ответить на этот вопрос. Свою работу я рассматривал лишь как свой первый очень робкий шаг в этом направлении, тем более что образование Киевской Руси завершило целую протоисторическую эпоху истории Восточной Европы. В частности, роль норманнов на Днепровском пути едва ли будет достаточно ясна без того, чтобы не представить себе их деятельность вообще на торговых путях Восточной Европы, в первую очередь на Волге.

Но, конечно, и в тех рамках, которыми я себя ограничил, задача была мне не по силам. Чем больше я в нее углублялся с естественным для новичка желанием охватить все, тем отчетливее я видел, что с моими знаниями и моим опытом это совершенно невозможно. Однако я думаю, было бы гораздо удивительнее, если бы в студенческой работе мне удалось это сделать.

Особенно важным на этом начальном этапе мне казалось познакомиться с историей Повести временных лет. Постепенно я пришел к мысли, что изучение ее создания, далеко еще не завершенное, должно идти по пути, указанному великим А.А. Шахматовым[1]. В.М. Истрин[2], выдвинувший собственную интересную теорию, подверг разбору едва ли сотую долю доказательств А[лексея] А[лександровича], а позднейшая критика была зачастую результатом поверхностного знакомства с работами А[лексея] А[лександровича]. Тем не менее Шахматов, как и почти все наши норманисты, плохо знавший норманнов самих по себе, упустил один из важных источников нашей летописи: северные саги, точнее саги, созданные в варяго-русской среде и отразившиеся как в скандинавских сагах, так и в русской летописи. Здесь большой находкой для меня явилась Ваша книга «Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik», хотя со многим в ней я не мог согласиться.

В конце мая 1960 г. я закончил свою работу. К сожалению, обстоятельства сложились так, что я не имел больше возможности к ней вернуться. Тем не менее мне очень хотелось бы получить серьезную и объективную оценку своей работы. Не разрешите ли Вы мне послать Вам мою рукопись? Буду Вам очень благодарен, если Вас не отпугнет предложение неизвестного иностранного студента засесть за чтение его - довольно-таки объемистой рукописи.

Мой адрес: СССР, Москва, Суворовский бульвар, д. 12, кв. 10, Амальрик Андрей Алексеевич.

С глубоким уважением Амальрик А.А.

Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender-Petersen. Håndskrift № 1276.490. Машинопись. Подлинник. Автограф.

№ 2
А.Стендер-Петерсен – А.А. Амальрику

Орхус *17 апреля 1961 г.*

Многоуважаемый Андрей Алексеевич Амальрик!

Спасибо за Ваше любезное письмо от 24 марта, недавно полученное мною. Я прочитал его с большим интересом. Меня радует, что имеется в СССР молодой ученый, серьезно занимающийся вопросом о древнейших восточнославянско-скандинавских отношениях, над которым я поработал довольно интенсивно, начиная с 1934 г., когда появился мой по-немецки написанный труд, о котором Вы упоминаете так лестно в своем письме. Книга эта очень понравилась покойному Б.Д. Грекову[3], как Вы с легкостью можете установить, просмотрев его «Избранные труды» (т. 1–3)[4]. Во время

моего приезда в Москву в 1946 г. он в беседе со мной, не расслышав моей фамилии, похвалил ее и спросил меня, знаю ли я автора этой книги. Он очень удивился, что так неожиданно встретился с автором. С тех пор протекло немало времени, и я успел выпустить в 1953 г. большой мой труд под заглавием «Варангика», в котором Вы найдете статьи на английском, французском, немецком и русском языке, собранные моими друзьями и учениками и изданные в честь моего 60-летия. Кроме того, я напечатал еще целый ряд своих статей по варяжскому вопросу, и некоторые из них я имею удовольствие направить Вам в особом конверте. Может быть, они Вам кое-что дадут. Свою точку зрения я называю «неонорманистской», считая советскую точку зрения «неоантинорманистской». Я думаю, синтез между этими противоположными теориями возможен, если только советская наука сумеет освободиться от слишком односторонних и предвзятых взглядов. Главным «неоантинорманистом» я считаю Рыбакова, с которым, впрочем, нахожусь в самых дружественных личных отношениях.

Может быть, именно Вам и суждено стать соединителем противоположных точек зрения, и я поэтому очень рекомендую Вам не бросать этой важной тематики. Я, конечно, в силу всего сказанного даже очень готов прочитать Вашу рукописную работу и послать Вам свой обстоятельный и объективный отзыв. Прошу Вас только послать мне рукопись заказным письмом для верности.

О себе только еще скажу, что я родился в старом Петербурге, был несколько лет студентом Петербургского университета, слушал лекции Шахматова, Истрина, Брауна[5], Тиандера[6], Сильверсвана[7] и др. профессоров и выехал только в 1915 г., в первом году Первой всемирной войны. Я не являюсь, таким образом, ни эмигрантом, ни беженцем, ни перебежчиком, а просто датским подданным, сохранившим о русской науке самые теплые воспоминания и относящимся к советской науке, в особенности науке последних пяти лет, с большой симпатией, несмотря на все наши разногласия. Вы можете быть уверенным в том, что я от души ненавижу всякий национализм и абсолютно не считаю себя презренным буржуем. Повторяю, что я с большим интересом прочту Вашу работу и выскажусь о ней совершенно объективно.

С искренним приветом[A]

Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender-Petersen. Håndskrift № 1276.490. Машинопись. Подлинник.

№ 3
А.А. Амальрик – А.Стендер-Петерсену

Москва *1 декабря 1961 г.*

Многоуважаемый Адольф Иванович!

Получить Ваше письмо от 17 апреля было для меня большой радостью. Мне очень жаль, что я могу ответить на него лишь с таким огромным опозданием. Пожалуйста, извините меня.

Мне было очень приятно узнать, что Вы родились в России, учились в Петербургском университете и слушали наших выдающихся ученых. Поэтому я называю Вас просто Адольфом Ивановичем. Также мне были приятны Ваши теплые отзывы о русской и советской науке. Как и Вам, мне чужд узкий национализм, тем более что среди моих предков кроме русских были французы, украинцы, шведы, цыгане и испанцы. Я также согласен с Вами, что предвзятый подход к научной проблеме едва ли может способствовать ее серьезному изучению. Вы пишете о возможности синтеза между

[A]Подпись отсутствует.

неонорманизмом и антинорманизмом. Я верю, что мы стоим на пороге гораздо более спокойного и объективного изучения интересующей нас проблемы, чем это было в предшествующее двадцатилетие, и что таким образом будет выработана теория, отличная как от современного антинорманизма, так и от традиционного норманизма.

Хочу сразу же поблагодарить Вас за присланные мне статьи (кроме них я познакомился с некоторыми статьями из Вашей книги «Варангика»). Ваша теория о земледельческой колонизации норманнами Приладожья и Верхней Волги кажется мне очень интересной и во многих отношениях плодотворной, хотя в своей работе я придерживаюсь скорее той точки зрения, которую Вы называете «романтической». Впрочем, как я уже писал Вам, моя работа – результат самого общего ознакомления с проблемой. Если бы я продолжал изучать ее дальше на более высоком научном уровне, мне бы пришлось многое пересмотреть. В частности, меня очень заинтересовала Ваша мысль, что движения норманнов на Восток и на Запад носили совершенно различный характер. Все же, как я думаю, Ваша колонизационная теория очень гипотетична, так как решающее слово здесь принадлежит археологии («романтическая» теория зависит от нее гораздо меньше). Те же факты, на которые Вы ссылаетесь (свидетельство Пруденция[8], ладожская руническая палочка[9] и др.), поддаются и другому толкованию. По-видимому, только достаточно широкое и объективное археологическое исследование сможет подтвердить или не подтвердить Вашу правоту. Я надеюсь, что наступит время, когда в этой работе смогут принять участие и скандинавские археологи.

Что норманнам на Днепре предшествовали норманны на Волге, представляется мне безусловным. Однако вопрос о «каганате» (связанный с вопросом о «трех центрах») очень сложен, едва ли он будет решен до тщательного комплексного издания восточных и скандинавских источников[B]. Я думаю, что Ваши работы, равно как и книга П.П. Смирнова[10], о которой Вы мельком упоминаете, только указывают новые пути в решении этого вопроса. Также и с Вашей периодизацией последующих варяжско--русских отношений я не могу полностью согласиться.

Все эти возражения носят чересчур общий характер (вероятно, что-нибудь подобное Вам приходилось слышать уже много раз), но подробнее остановиться в этом письме на Вашей аргументации, даже если мое мнение и смогло бы представить для Вас некоторый интерес, было бы очень сложно. Ваши решения многих частных вопросов, например о колбягах, я принимаю целиком. И если я, новичок, позволил себе критически отозваться о Вашей теории, то только потому, что думаю, что и Вы сами ни в коем случае не считаете ее окончательно подтвержденной и доказанной. Впрочем, то же самое можно сказать, по-видимому, и обо всех остальных исторических теориях.

Знакомство с Вашими работами очень много дало мне и было для меня очень ценно. Особенно по душе мне Ваша основная мысль, что вся проблема возникновения восточнославянской цивилизации должна ставиться гораздо шире. По-видимому, мы придем к правильным выводам только в том случае, если будем комплексно рассматривать славянско-норманнские, славянско-хазарские[C], славянско-греческие и т.д.

[B]Как Вы знаете, на русском языке нет даже серьезного научного обобщающего издания этих источников, переводы восточных и комментарии к ним давно устарели (например, «Сказания…» Гаркави), а скандинавские так вообще не изданы.– Примеч. автора письма. (Речь идет о книге: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870.– М.К.)

[C]Славянско-хазарские отношения представляют сейчас особый интерес в связи с открытием Н.В. Энговатовым протоглаголической русской дохристианской азбуки, которую он возводит к еврейскому алфавиту. К сожалению, сам Н.В. Энговатов, человек талантливый и влюбленный в русскую протоисторию, обладает, по-видимому, очень небольшой языковой и исторической подготовкой, и специалисты относятся к его работе скептически, так что все это пока весьма проблематично. Сам он до сих пор ничего не опубликовал, если не считать рассчитанной на

отношения. Историческое развитие славян началось позже, чем развитие их соседей, поэтому история ранней восточнославянской цивилизации – это до известной степени история культурных заимствований у норманнов, хазар, греков и т.д. Безусловно, одним из важнейших компонентов явилась и праславянская культура, а также вековые культурные традиции юга России. Творческая роль славян заключалась в усвоении, преломлении и приспособлении всех этих элементов. Таким образом, норманнская проблема является частью этой общей проблемы. По-моему, ничего «обидного» здесь для нас, русских, нет. С этого начинал каждый народ. Если бы каждый народ начинал заново, мы не пошли бы дальше неолита. Впрочем, в своей рукописи я не касался этого большого вопроса.

Здесь я должен извиниться, что напрасно побеспокоил Вас: по не зависящим от меня причинам я не могу прислать Вам свою рукопись. Быть может, в ближайшее время мне представится возможность опубликовать отдельные доработанные фрагменты, и для меня будет удовольствием направить их Вам. Советские ученые отнеслись сдержанно к моей работе, хотя очень лестно отозвались об отдельных ее сторонах. В прошлом году с ней любезно познакомились известные Вам проф[ессор] Арциховский[11] и акад[емик] Рыбаков, у которых Вы можете при встрече расспросить о моей работе.

Хотя в будущем году я собираюсь поступать на математический факультет, я всегда сохраню интерес к истории и литературе. Я с большим интересом познакомился с Вашей «Историей русской литературы» на немецком языке (я прочитал главы, посвященные древнерусской литературе, а также литературе конца XIX – начала XX в.). Мне очень бы хотелось иметь эту книгу, а также «Варяжские саги как источник русской летописи». Если Вас интересуют какие-либо книги на русском языке, недавно вышедшие, или такие, которые можно купить в московских букинистических магазинах, я с удовольствием прислал бы Вам равноценное количество интересующих Вас книг взамен этих. Я думаю, что ни датские, ни советские официальные органы не будут иметь ничего против такого обмена, а даже будут приветствовать его. Но я допускаю мысль, что такой обмен не только не будет желателен для Вас, но даже обременителен. Быть может, он представит в таком случае интерес для кого-либо из Ваших учеников. Для меня же он тем более желателен, что я хотел бы приобрести еще несколько изданных за границей книг на русском и немецком языках, в частности собрание сочинений Франца Кафки[D], большим поклонником которого я являюсь (я прочитал недавно его романы «Процесс» и «Америка»).

В заключение еще раз хочу поблагодарить Вас за Ваше письмо, Ваше внимание и Ваше любезное согласие познакомиться с моей рукописью. Учитывая тот срок, за который мое письмо дойдет до Вас, позвольте сразу же поздравить Вас с Новым годом.

С глубоким уважением А.Амальрик

самого широкого читателя статьи в научно-популярном журнале «Знание – сила» (1960. № 11), о его исследованиях упоминается также в небольшой заметке Б.Рыбакова и В.Янина в «Советской археологии» (1960. № 4) и в статье В.А. Истрина в «Вестнике истории мировой культуры» (1960. № 6).– Примеч. автора письма. (Речь идет об Энговатове Николае Васильевиче (1935–1964) – археологе, специализировавшемся в сфере раннеславянской истории, изучавшем скандинавские рунические надписи, покончившем жизнь самоубийством. Упоминаемые в тексте работы: Энговатов Н.В. Древнейшая русская азбука // Знание – сила. 1960. № 11. С. 5–7; Янин В.Л., Рыбаков Б.А. По поводу так называемых «открытий» Н.В. Энговатова // Советская археология. 1960. № 4. С. 239–240 (носит острокритический характер по отношению к Энговатову); Истрин В.А. О возникновении славяно-русского письма // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 60–83.– М.К.)

[D]Собрание сочинений в отдельных томах, изд. С.Фишер, Франкфурт-на-Майне, 1946–1958 (?), включая биографию, написанную Максом Бродом.– Примеч. автора письма.

Помета: Получено 8.12.1961[E]

Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender-Petersen. Håndskrift № 1276.490. Машинопись. Подлинник. Автограф.

[1] Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – российский историк и филолог, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, крупнейший исследователь древнерусского летописания.

[2] Истрин Василий Михайлович (1865–1937) – российский историк и филолог, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, автор работ по истории древнерусской литературы.

[3] Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – российский и советский историк, академик АН СССР, автор работ по древнерусской истории.

[4] В указанном издании трудов Грекова действительно можно найти уважительные отсылки к исследованиям Стендер-Петерсена. В частности, советский академик соглашался с мнением датского коллеги, что призвание трех братьев на княжение – не более чем «ходячая легенда», распространенная в Средневековой Европе. (См.: *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 360, 555.)

[5] Браун Федор Александрович (1862–1942) – российский и немецкий филолог и историк, чл.-корр. АН СССР (1927 г.), специалист в области славяно-германских связей.

[6] Тиандер Карл Федорович (1873–1938) – российский историк и литературовед, специалист по истории и культуре Скандинавских стран.

[7] Сильверсван Борис Павлович (1883–1934) – российский литературовед, автор исследований по скандинавской литературе.

[8] Имеется в виду Пруденций Труасский (*лат.* Prudentius; ?–861), капеллан короля Западно--Франкского королевства Карла Лысого, один из авторов Бертинских анналов (IX в.). Под 839 г. в них содержится упоминание о росах, которых франки определяли как выходцев из Скандинавии.

[9] Имеется в виду руническая надпись на деревянном стержне, обнаруженном во время раскопок в Старой Ладоге 2 сентября 1950 г. (См.: *Равдоникас В.И., Лаушкин К.Д.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сб. Таллин, 1959. Т. IV. С. 23–44.)

[10] Речь идет, видимо, о книге советского историка П.П. Смирнова (1882–1947), посвященной Волжскому торговому пути в VI–IX вв.: Смірнов П.П. Волзький шлях і стародавні руси (Нариси з руської історії VI–IX вв.). Київ, 1928.

[11] Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – советский археолог, чл.-корр. АН СССР (1960 г.), специалист в области славяно-русской археологии.

[E]Помета сделана рукой Стендер-Петерсена. Подчеркнуто в оригинале.